

## ГРУППЫ СПЕЦИАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ В ПРОЦЕССЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ НА ПРИМЕРЕ ИНСТИТУТА ВЛАСТИ-СОБСТВЕННОСТИ В РОССИИ

О.С. Белокрылова, А.Н. Ситухо

Южный федеральный университет  
(Ростов-на-Дону, Россия)

***Аннотация.** В современном институционализме все более популярным становится проведение параллелей между динамикой экономического развития стран и результатами действий их элит. Это актуализирует исследования механизмов влияния групп специальных интересов на качество институтов в разных государствах. Данное исследование базируется на подходе методологического холизма, согласно которой коллективы рассматриваются как самостоятельные экономические субъекты. В статье подчеркивается, что институциональные изменения могут происходить как спонтанно, так и благодаря целенаправленным действиям групп специальных интересов. Цель данного исследования состоит в том, чтобы на основе сравнительного анализа сложившихся научных подходов к оценке эффектов коллективных действий на исторический процесс отбора институтов обосновать институт власти-собственности в России как результат действий групп специальных интересов, повлиявших на «естественный» отбор институтов и заблокировавших экономическое развитие страны на данном субоптимальном институте с целью сохранения своих перераспределительных преимуществ. Авторы приходят к выводу о необходимости радикального видоизменения и разрушения данного института, однако отмечают, что такие изменения практически невозможны на базе постепенных реформ с попыткой сохранить баланс между всеми сторонами.*

***Ключевые слова:** группа специальных интересов, отбор институтов, институт власти-собственности, эффект блокировки.*

## SPECIAL INTEREST GROUPS IN THE PROCESS OF INSTITUTIONAL CHANGE: THE CASE OF THE POWER-PROPERTY INSTITUTE IN RUSSIA

O.S. Belokrylova, A.N. Situkho

Southern Federal University  
(Rostov-on-Don, Russia)

***Abstract.** Parallels between the economic development of countries and the results of the actions of their elites are becoming more and more popular, which actualises the research into the areas of influence of special interest groups on the quality of institutions in different states. This study is based on the approach of methodological holism, according to which collectives are viewed as independent economic actors. The article emphasises that institutional change can occur both spontaneously and through the deliberate action of special interest groups. This essay analyses existing approaches to assessing the impact of collective actions on the historical process of institution selection, and considers the institution of power-ownership in Russia as a result of actions of special interest groups that influenced "natural" institution selection and blocked economic development of the country on this sub-optimal institution in order to maintain their*

*redistributive advantages. The authors conclude that radical modification and destruction of this institution is necessary, but note that such changes are practically impossible on the basis of gradual reforms with an attempt to maintain a balance between all parties.*

**Keywords:** *special interest group, selection of institutions, institution of power-ownership, blocking effect.*

### **Влияние оказывают коллективные действия на институциональные изменения**

В самом общем смысле, по нашему мнению, экономические субъекты определяются как участники принятия решений по приобретению и использованию ограниченных ресурсов для удовлетворения своих безграничных потребностей. В рамках институционально-экономической теории выявляются закономерности поведения таких объектов, их мотивы принятия решений и механизм осуществления выбора. Однако к настоящему времени в разных экономических школах сложился ряд уровней агрегирования субъектов. Например, в неоклассике выделяются домохозяйство, фирма как единый организм, государство; в экономике мирового хозяйства – международные организации, транснациональные компании и др. Представители большинства направлений экономической науки дают общую, часто формализованную характеристику одному, так называемому репрезентативному субъекту и распространяют эту модель поведения на все множество таких субъектов, действия которых в совокупности формируют определенное социальное явление. Такой подход – методологический индивидуализм – свойственен базовым направлениям мейнстрима, прежде всего новой институциональной экономике (НИЭТ).

В свою очередь, представителя ряда ортодоксальных экономических направлений, например, оригинальной институциональной экономики (ОИЭТ), убеждены в невозможности разделения социальных явлений на совокупность отдельных действий индивидов, поэтому такие явления должны рассматривать как самодостаточные субъекты, со свойственными им характеристиками, элементами и динамикой. К таким субъектам могут быть отнесены группы индивидов, имеющих общие цели и считающие себя единым целым.

Изначально поведение групп было объектом анализа социологии и отчасти психологии, в экономику оно пришло с возникновением ОИЭТ. Более того, один из ее основоположников Дж. Коммонс расшифровал ключевую дефиницию для ОИЭТ именно через группы: «институт – это коллективное действие по контролю, освобождению и расширению индивидуального действия» [13]. Анализ институтов Дж. Коммонсом был проведен на стыке экономики и юриспруденции, поэтому он акцентировал внимание на том, что в силу ограниченности ресурсов обществу необходимы правила, или действующие нормы, закрепляющие права и обязанности индивидов и групп, однако такие правила создаются только посредством коллективных действий. В этом и состоит их главная функция – разрешение конфликтов и сохранение порядка в мире постоянных противоречий и конкуренции за блага [14], хотя этим их роль не исчерпывается.

Более формальный подход представил М. Олсон, разработавший модель коллективных действий. Он применил инструментарий неоклассики для определения того, будет ли создан институт как коллективное благо в малой группе. Однако в современной науке историческое и текущее экономическое развитие институтов и государств рассматривается с точки зрения взаимодействия и влияния групп с особыми интересами, концепцию которых также разработал М. Олсон. Под группой специальных интересов (ГСИ) понимается «совокупность агентов, которые характеризуются совпадением экономических интересов и на которых действуют избирательные стимулы для производства совместного коллективного блага» [4] и предполагается, что такие группы оказывают значительное, чаще всего отрицательное влияние на институциональную среду, приводя к стагнации.

Однако изменения в институциональной среде происходят не только вследствие целенаправленных действий людей, но и спонтанно. На данный момент все более популярным становится эволюционный подход в институционализме, который основан на

аналогии между биологическими генами и опытом, традициями коллективов, также подверженных «дрейфу генов» и связанных с ним явлений (эффект основателя, эффект бутылочного горлышка и пр.), а принцип «выживает наиболее приспособленный организм/вид» заменен на принцип «выживает наиболее приспособленный и, следовательно, эффективный институт» [7].

В. Вольчик обобщил возможные типы институциональных изменений, среди них [4]:

1. Эволюция институтов (постепенный переход неформального института в формальный путем его распространения и признания).

2. Революция институтов (радикальные изменения институтов, чаще всего из-за целенаправленных действий государства, групп специальных интересов и пр., например, при импорте институтов, модернизации).

3. Инкрементное изменение институтов (закрепление неформальных правил в малых группах с семейно-родственными связями).

Однако, в отличие от биологической эволюции, результатом отбора институтов может быть выживание неэффективных институтов из-за влияния траектории предшествующего развития, первоначально существующих институтов, прошлых процессов институциональных изменений [12], а также от групп специальных интересов [3].

Таким образом, большинство авторов, анализирующих влияние ГСИ, оценивает его как отрицательное: ГСИ создают структуры для лоббирования решений и нормативных актов в свою пользу, создают олигархические и монополистические структуры [10]; добиваются распределительных преимуществ [16]; замедляют экономический рост, препятствуют распространению инноваций, т. к. это может повлечь уменьшение их ренты [12].

В то же время часть экономистов обосновывают подход, согласно которому именно взаимодействие между ГСИ, их динамика приводит к качественным изменениям структуры общества, и данное развитие может быть положительным. Например, Д. Асемоглу, С. Джонсон, Дж. Робинсон выделяют два типа власти: *de jure* и *de facto*, т. е. фактически в государстве существует две крупных ГСИ (хотя в определенные исторические моменты они могут совпадать). Источник власти первой ГСИ закреплен в конституциях, законах, юридических источниках; источник власти второй ГСИ зависит от экономического распределения ресурсов: чем больше ресурсов в руках этой ГСИ, тем большее влияние они могут оказывать на формальные политические институты [11]. Однако те, кто находится у власти сейчас *de jure*, могут заблокировать это влияние с помощью своих полномочий. В зависимости от того, чье влияние больше – текущих политических институтов или новых экономических институтов – происходит блокировка новационных решений или же их законодательное обеспечение. Таким образом, именно взаимовлияние экономических и политических институтов, взаимодействие двух ГСИ определяют траекторию экономического роста, его возможность и темпы, и такое влияние может иметь положительный вектор для всего общества.

Кроме того, Д. Норт разработал концепцию трех социальных порядков: примитивный порядок; порядок ограниченного доступа (ПОД); порядок открытого, или свободного, доступа (ПСД). Предполагается, все государства были ПОД, но ряд из них смогли перейти к более сложному и эффективному ПСД, поэтому ученые занимаются вопросом, как этот переход был осуществлен и как нынешним ПОД перейти к ПСД. В работе Норты и его соавторов названы следующие условия: верховенство права для элит; поддержка бессрочно существующих организаций элит (общественных и частных); консолидированный политический контроль над организациями, способными на насилие (включая вооруженные силы и полицию) [9].

При этом следует подчеркнуть, что все эти условия создают группы специальных интересов, которые именуются в работе «элитами», осуществляющие действия в своих интересах, однако итогом этих взаимодействий становится переход к обезличенному

взаимодействию ГСИ и возможность вхождении в них для всех индивидов, что приводит к позитивным изменениям для всего общества.

### **Институт власти-собственности в России как результат коллективных действий ГСИ**

Однако на практике система взаимодействий ГСИ является более сложной и противоречивой по ее результатам. В статье В.В. Вольчик и В.В. Кот обсуждается модернизация существующих институтов для обеспечения прогрессивных изменений в государстве и отмечается, что итогом изначально положительных институциональных изменений может быть образование неэффективных институтов взамен эффективных. Это зависит от ряда факторов, центральным из которых можно назвать отношение групп специальных интересов к проводимой политике: если они заинтересованы в сохранении старых порядков, то результатом модернизации может стать лишь «поверхностная» трансформация, когда система не преобразуется полностью, а только приспосабливается в новым изменения с сохранением сущности старых институтов [6]. Следовательно, ключевым условием успешной авторитарной модернизации является консенсус элит по поводу основных методов и целей [1], т. е. необходимо создать правильные избирательные стимулы для них.

Одним из институтов, делающим невозможным широкомасштабную модернизацию российской экономики, является институт власти-собственности, т. к. реформирование этого или смежных с ним институтов сталкивается со значительным сопротивлением ГСИ. Данный институт имеет долгую историю развития в России, большинство ученых связывают его окончательное закрепление с царствованием Ивана IV Грозного; несмотря на свою относительную неэффективность, институт власти-собственности смог закрепиться благодаря возрастающей отдаче от масштаба. В момент ее возникновения данный институт оказал благотворное воздействие на развитие России, позволив создать единое централизованное государство, однако из-за эффекта блокировки (lock-in effect) общество не может реформировать его с XVI века, даже в эпоху масштабных институциональных трансформаций [2].

Главный недостаток института власти-собственности заключается в невозможности формирования рынка институтов и механизма их отбора. Кроме того, историческое доминирование данного института оказало влияние на качество социального капитала российского общества, ключевой характеристикой которого является коллективизм и общая пассивность граждан. Это препятствует формированию групп со всеохватывающими интересами, которые могли бы выступить новаторами институтов, отличных от института власти-собственности [17].

Свидетельством отсутствия таких групп в текущей элите можно выступать общественное мнение относительно политики государства, в первую очередь, в сфере экономики. Для этого рассмотрим опросы<sup>1</sup>, проводимые негосударственной исследовательской организацией «Левада-Центр»<sup>2</sup>. Так, общество считает, что частная собственность не может обеспечить удовлетворительную траекторию развития государства, поэтому на протяжении с 1994 г. до конца 2021 г. стабильно доминирует мнение, что наиболее правильной является система, основанная на государственном планировании и распределении по сравнению с системой, основанной на частной собственности и рыночных отношениях. При этом россияне связывают сильное государство и плановую экономику не с ростом военной мощи, а лучшим обеспечением высокого уровня благосостояния граждан, т. к. это основной запрос на протяжении с 1998 по 2021 г. (колеблется в границах от 64% до 84%).

<sup>1</sup> Общественное мнение – 2021. М.: Левада-Центр, 2022.

<sup>2</sup> АНО «Левада-Центр» внесена Министерством юстиции России в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента

Отчасти такая структура предпочтений может быть связана с низкой вовлеченностью абсолютного числа граждан в политическую и гражданскую деятельность: так, лишь 1-3% респондентов активно участвуют в каких-либо политических мероприятиях, остальные либо безразличны к политике, либо не участвуют в ней; более трех четвертых респондентов не занимаются различными гражданскими активностями и не проявляли свою гражданскую позицию с помощью коллективных обращений, митингов, участия в объединениях и др. Немного лучше ситуация с активностями, связанными с благотворительностью (дача милостыни; пожертвование одежды и вещей), а также участием в голосовании.

Таким образом, абсолютно большинство граждан не участвуют в жизни общества и государства, однако институт частной собственности и демократии базируется на активной гражданской позиции, поэтому в России более популярна идея о необходимости реализации интересов граждан государством. В то же время граждане осознают, что на данный момент интересы власти и общества в России на данный момент не совпадают (данное мнение выразило 75% респондентов), что говорит о наличии среди различного рода элит, в т. ч. промышленных и финансовых, только групп специальных интересов.

С другой стороны, отношение россиян к институту власти-собственности также отображают опросы, направленные на выявление отношения россиян к бизнесу. Такой опрос также провела АНО «Левада-центр», результаты которого отображены в отчете «Как заниматься бизнесом в России»<sup>3</sup>. Так, россияне доверяют бизнесу гораздо меньше, чем другим институтам, например армии, президенту, спецслужбам, церкви, при этом малому бизнесу склонны доверять больше, чем крупному (26% против 16% опрошенных), что отчасти может быть следствием существования института власти-собственности.

С другой стороны, необходимо отметить некоторые положительные сдвиги в оценке влияния частной собственности на экономику страны: так, в декабре 2019 г. 80% респондентов ответили, что малый и средний бизнес идет на пользу, против 8%, ответивших «идет во вред». Это соответственно наибольший и наименьший проценты респондентов, давших такие ответы с августа 2003 г. В то же время, деятельность крупного бизнеса оценивается россиянами не столь однозначно: за период с августа 2006 г. по май 2016 г. ответы «идет на пользу» и «идет на вред» давались примерно с одинаковой частотой, однако в декабре 2019 г. первый вариант прозвучал более чем в два раза чаще, чем второй (58% против 26%).

При этом вызывает интерес ответы респондентов на вопрос «Что необходимо для успешного ведения бизнеса?». Участники фокус-группы, уже имеющие опыт в бизнесе, поставили в топ-3 следующие условия по приоритету: стартовый капитал; наличие поддержки от государства; связи в органах власти. Основными препятствиями ведения бизнеса в России были названы высокие налоги на бизнес; коррупция, необходимость взяток, связей; высокие ставки по кредитам (также в порядке убывания частоты упоминания).

Здесь необходимо отметить, что взаимосвязь высоких налогов и размера коррупции является противоречивыми: с одной стороны, организации могут уклоняться от их уплаты, уходить в «теневой» сектор, чтобы избежать как проблем с значительным налоговым бременем, так и необходимость давать взятки при проверках регулирующих органов [18]; с другой стороны, при использовании различных схем налоговой «оптимизации» фирмы могут быть более склонны к даче взяток для укрывания их незаконной деятельности официальными представителями государственных органов [15]. Отсюда противоречивые ответы на вопрос «Чем вызваны претензии к предпринимателям со стороны правоохранительных органов?»: больше половины респондентов указали на наличие корыстного мотива со стороны представителей власти (желание получить взятку – 48% респондентов; «заказ» со стороны конкурентов – 10% респондентов), но при этом почти

<sup>3</sup> Пресс-выпуск «Как заниматься бизнесом в России». 18.03.2020 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.levada.ru/2020/03/18/kak-zanimatsya-biznesom-v-rossii/> (дата обращения: 05.01.2023)

треть (31%) отвечавших указали, что требования правоохранительных органов являются обоснованными и связаны с нарушениями закона предпринимателями.

Как видно из результатов опросов, большинство респондентов связывают успех любого бизнеса в стране с наличием связей с государством, будь то официальные (субсидии, льготы) или неофициальные (личные знакомства), что подтверждает тезис о существовании в России института власти-собственности.

Все это актуализирует необходимость изменений текущей институциональной структуры, однако блокировка на данном институте сводит практически все усилия государства, даже имевшие благородные цели, к усугублению данной проблемы. Одним из проявлений этого является экзаптация ГСИ институтов, которые внедряются государством для совершенствования текущей институциональной среды. Под экзаптацией понимается использование существующей структуры для новой функции, которая была изначально не запланирована. Примером экзаптации в России является институт банкротства, изначально целью которого было отсеивание неэффективных предприятий, однако в результате его использовали и используют для захвата хороших, эффективных предприятий. Другими примерами экзаптации являются институт государственных закупок [5], самоуправление, Интернет-технологии для голосования и участия в политической жизни [8].

### **Выводы**

Таким образом, в экономической теории при анализе коллективных действий в процессе институциональных изменений применяется методологический холизм, т. е. коллективы рассматриваются как самостоятельные экономические субъекты, что больше соответствует принципам старого институционализма. Институциональные изменения в любой структуре могут происходить как спонтанно, так и из-за целенаправленных действий групп специальных интересов. В последнем случае они стремятся обеспечить и защитить свои интересы, что может приводить как к отрицательным, так и положительным последствиям для всего общества. Большинство авторов рассматривают их влияние на общее развитие экономики как негативное, однако на данный момент существуют работы, утверждающие о ключевой роли ГСИ в выборе пути развития государства, поэтому их влияние уже не оценивается как однозначно отрицательное.

В то же время сложно не согласиться с первой группой авторов, т. к. на практике существует значительное количество неэффективных институтов, которые возникли и поддерживаются благодаря действиям ГСИ. Одним из таких примером является издавна существующий субоптимальный институт власти-собственности в России. Из-за наличия и доминирования данного института страна фактически застряла на этой траектории развития из-за эффекта блокировки. Историческое развитие России сложилось таким образом, что даже во время масштабных трансформаций, когда происходит отбор институтов, именно субоптимальный институт власти-собственности оказался выгоден ГСИ, стремившихся обеспечить себе стабильное привилегированное положение в обществе и возможность беспрепятственно получать институциональную ренту.

Последствием блокировки на этом институте стало формирование социального капитала с низким качеством, меркантилистического хозяйственного порядка и консервации всех институтов в неэффективном для дальнейшего развития страны положении. Это актуализирует вопрос о необходимости радикального видоизменения и разрушения этого института, однако такие изменения практически невозможны на базе постепенных реформ с попыткой сохранить баланс между всеми сторонами.

### **Список источников**

1. Аузан А. Приоритеты институциональных преобразований в условиях экономической модернизации / А. Аузан, Г. Сатаров // Вопросы экономики. – 2012. – № 6. – С. 65-73. – EDN OYEDSV.

2. Вольчик В. В. Эволюция российского института власти-собственности / В. В. Вольчик // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. – 2009. – № 1. – С. 154-178. – EDN OEDEHH.
3. Вольчик В. В. Эволюционный подход к анализу институциональных изменений / В. В. Вольчик // Terra Economicus. – 2012. – Т. 10, № 4. – С. 62-69. – EDN PUVOLX.
4. Вольчик В. В. Институциональная экономика: учебное пособие / В. В. Вольчик // Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета. – 2015. – 228 с.
5. Вольчик В. В. Отбор и экзактация институтов: роль групп специальных интересов / В. В. Вольчик, И. В. Бережной // Эволюционная и институциональная экономическая теория : дискуссии, методы и приложения. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2012. – С. 165-187. – EDN SMWDTF.
6. Вольчик В. В. Институциональные изменения в контексте модернизации хозяйственных порядков / В. В. Вольчик, В. В. Кот // Журнал институциональных исследований. – 2013. – Т. 5. – № 4. – С. 36-57. – EDN RVGSPH.
7. Капелюшников Р. И. Экономическая теория прав собственности / Р. И. Капелюшников. – М., 1990. – 125 с.
8. Лукашов Н. В. Парадоксы российских программ информатизации / Н. В. Лукашов, С. С. Лукашова, Ю. В. Латов // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). – 2021. – Т. 13. – № 1. – С. 115-134.
9. Норт Д. В тени насилия: уроки для обществ с ограниченным доступом к политической и экономической деятельности / Д. Норт, Д. Уоллис, С. Уэбб, Б. Вайнгаст // Вопросы экономики. – 2012. – № 3. – С. 4-31.
10. Олсон М. Возвышение и упадок народов: экономический рост, стагфляция и социальный склероз / М. Олсон. – М.: Новое издательство. – 2013. – 324 с.
11. Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. A. Institutions as a fundamental cause of long-run growth // Handbook of economic growth. – 2005. – Т. 1. – pp. 385-472.
12. Acemoglu D., Robinson J. A. Why nations fail: The origins of power, prosperity, and poverty // Currency. – 2012.
13. Commons J. R. Institutional Economics // American Economic Review. – 1931. – Vol. 21.
14. Commons J. R. Institutional economics its place in political economy // New Brunswick (NJ) USA: Transaction Publishers. – 1990.
15. Kaufmann D., Zoido-Lobaton, P. Corruption, Public Finances and the Unofficial Economy // Washington, D.C.: The World Bank, discussion paper. – 1998.
16. Krueger A. The Political Economy of the Rent-Seeking Society // American Economic Review. – 1974. – Vol. 64. – pp. 291–303.
17. Olson M. The devolution of the Nordic and Teutonic economies // The American Economic Review – 1995. – № 85(2). – pp. 22-27.
18. Rose-Ackermann S. Corruption and Development // Washington D.C.: The World Bank: Annual Bank Conference on Development Economics. – 1997.

### References

1. Auzan A. Priorities of institutional transformations in the conditions of economic modernization / A. Auzan, G. Satarov // Voprosy ekonomiki. – 2012. – № 6. – С. 65-73. – EDN OYEDSV.
2. Volchik V. V. The evolution of Russian institute of power-possession / V. V. Volchik // Political Conceptology: Journal of Metadisciplinary Studies. – 2009. – № 1. – С. 154-178. – EDN OEDEHH.
3. Volchik V. V. The evolutionary approach to the analysis of institutional change / V. V. Volchik // Terra Economicus. – 2012. – Т. 10, № 4. – С. 62-69. – EDN PUVOLX.

4. Volchik V. V. Institutional economics: textbook / V. V. Volchik // Rostov-on-Don: Southern Federal University Publishers. – 2015. – 228 c.
5. Volchik V. V. Selection and Exaptation of Institutions: Role of Special Interest Groups / V. V. Volchik, I. V. Berezhnoi // Evolutionary and Institutional Economic Theory : discussions, methods and applications. – Saint-Petersburg : Aletheia, 2012. – C. 165-187. – EDN SMWDTF.
6. Volchik V. V. Institutional changes in the context of modernization of economic orders / V. V. Volchik, V. V. Kot // Journal of Institutional Research. – 2013. – T. 5, № 4. – C. 36-57. – EDN RVGSPH.
7. Kapelyushnikov R.I. Economic theory of property rights / R.I. Kapelyushnikov. – M., 1990. – 125 c.
8. Lukashov N. V. Paradoxes of Russian programs of informatization / N. V. Lukashov, S. S. Lukashova, Y. V. Latov // Journal of Institutional Studies. – 2021. – T. 13. – № 1. – C. 115-134.
9. North D. In the Shadow of Violence: Lessons for Societies with Limited Access to Political and Economic Activity / D. North, D. Wallis, S. Webb, B. Weingast // Economic Affairs. – 2012. – № 3. – C. 4-31.
10. Olson M. The Rise and Decline of Nations: Economic Growth, Stagflation and Social Sclerosis / M. Olson // M.: New Publishing House. – 2013. – 324 c.
11. Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. A. Institutions as a fundamental cause of long-run growth // Handbook of economic growth. – 2005. – T. 1. – pp. 385-472.
12. Acemoglu D., Robinson J. A. Why nations fail: The origins of power, prosperity, and poverty // Currency. – 2012.
13. Commons J. R. Institutional Economics // American Economic Review. – 1931. – Vol. 21.
14. Commons J. R. Institutional economics its place in political economy // New Brunswick (NJ) USA: Transaction Publishers. – 1990.
15. Kaufmann D., Zoido-Lobaton P. Corruption, Public Finances and the Unofficial Economy // Washington, D.C.: The World Bank, discussion paper. – 1998.
16. Krueger A. The Political Economy of the Rent-Seeking Society // American Economic Review. – 1974. – Vol. 64. – pp. 291-303.
17. Olson M. The devolution of the Nordic and Teutonic economies // The American Economic Review - 1995. – № 85(2). – pp. 22-27.
18. Rose-Ackermann S. Corruption and Development // Washington D.C.: The World Bank: Annual Bank Conference on Development Economics. - 1997.